

ДОГОС

ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

3 (1999) 13

Тема:

Вымысел

В НОМЕРЕ: ИСТИНА В ВЫМЫСЛЕ ПСИХОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС МОЖЕТ ЛИ ВЫМЫШЛЕННЫЙ ПЕРСОНАЖ СУЩЕСТВОВАТЬ В РЕАЛЬНОСТИ ВЫМЫСЕЛ И РЕАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЯ ЛЬВОВСКО-ВАРШАВСКОЙ ШКОЛЫ НОСТАЛЬГИЯ ПО ИДЕНТИЧНОСТИ КАКОЙ ORDNUNG MUSS SEIN? РЕЦЕНЗИИ

Домбровский Кастанеда Кривошеин Левинсон Льюиз Малахов Маяцкий Миллер Руднев Сёрль

ДОМ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
КНИГИ

Логос № 3 (1999) 13

философско-литературный журнал

выходит 12 раз в год

издается с 1991 г.

ISSN 0869-5377

Редакция выражает бесконечную признательность Модесту Колерову,
при финансовой и моральной поддержке которого выходит журнал

Главный редактор

Валерий Анашвили

Ответственный секретарь

Вадим Руднев

Редактор

Игорь Михайлов

Художник

Валерий Коршунов

Научный совет

Фр.В. фон Германи (*Фрайбург*), С.Н. Зимовец (*Москва*), В.В. Калининченко (*Москва*), Х. Мёкель (*Берлин*), А.А. Михайлов (*Минск*), В.И. Молчанов (*Москва*), Н.В. Мотрошилова (*Москва*), Э.В. Орт (*Триер*), Н.С. Плотников (*Хаттинген*), Фр. Роди (*Бохум*), К. Хельд (*Вупперталь*)

Центр феноменологической философии при философском факультете РГГУ

Выходит в рамках издательской программы РГГУ

© Издательство “Дом интеллектуальной книги”, 1999

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Левинсон. Опять как всегда	4
Владимир Малахов. Ностальгия по идентичности	8
Михаил Маяцкий. Какой Ordnung muß sein?	13

Тема: возможные миры и виртуальная реальность

Джон Сёрль. Логический статус художественного дискурса	34
Дэйвид Льюиз. Истинность в вымысле	48
Гектор-Нери Кастанеда. Художественный вымысел и действительность	69
Барри Миллер. Может ли вымышленный персонаж существовать на самом деле? . . .	103
Вадим Руднев. Психотический дискурс	113

Философия языка

Максим Кронгауз. Критика языка	133
Людвиг Витгенштейн. Логико-философский трактат (с коммент., продолжение) . .	147

История научных школ

Борис Домбровский. Львовско-варшавская философская школа	174
--	-----

Рецензии

Виталий Куренной. Уроки ткачества в современную эпоху: гобелен прагматизма и ковровые бомбардировки	199
Игорь Михайлов. Революция в переводах Хайдеггера	206
Алексей Плущер-Сарно. CD-rom'ная энциклопедия как культурный феномен	215
Николай Плотников: <i>Friedrich Heinrich Jacobi. Werke</i>	223
Анна Костинова: <i>Julia Kristeva. Etrangers a nous-memes</i>	227
Анна Костинова: <i>Gilles Lipovetsky. La troisieme femme</i>	229
Валентин Противень. Д. Шестаков. Семейная криминология	231
Владимир Петров. В. Курицын. Журналистика 1993-1997	233
Катя Бубенцова. Жиль Делез, Феликс Гваттари. Что такое философия?	235

Игорь Михайлов

Революция в переводах Хайдеггера

Некоторые мысли по поводу издания:

Мартин Хайдеггер сам о себе в изложении Вальтера Бимеля / Пер. А. Верникова. — Тверь: "Урал LTD", 1998. — 285 с.

“...но поскольку сам Хайдеггер находил-ся и помещал-ся, грубо говоря, между метафизикой и феноменологией, сказывая, как пра-пра-пра-бабушка, всегда надвое, то и переводчик, волей-неволей соответствуя делу Хайдеггера, оказывается в про-свете между этими крайностями, что дает ему маргинально-промежточную волю обходиться *так* или сяк с родным языком — ломать его, гнуть, скручивать, членить, отчасти «изобретать» и т.п...” (С. 7).

“...Как говорится (по-русски), *за что боролся, на то и напоролся*” (С.11).

В прошлом году на прилавках появился перевод одного из лучших введений в философию Хайдеггера — книги Вальтера Бимеля¹. Сначала было бы уместно сказать несколько слов об авторе той книги, которая была переведена.

Автор книги

Вальтер Бимель (род. 1918) — личность, ставшая в современном немецком философском сообществе легендарной. Дело не в только в том, что этот человек зарекомендовал себя высокопрофессиональными трудами в области феноменологии². Долгие годы Бимель работал в архивах Гуссерля в Лувене и Кёльне, сотрудничал в издании собрания сочинений Хайдеггера³. Много лет Бимель являлся председателем немецкого феноменологического общества (некоторые немецкие профессора до сих пор с доброй улыбкой вспоминают, как во время голосований по рядам ходила “знаменитая шапка Бимеля”). Безусловно, человеку, который долгие годы учился у великого философа, трудно изба-

---

¹ Martin Heidegger. Mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten dargestellt von Walter Biemel. 1973.

² Ср.: Le concept de monde chez Heidegger. 1948; Kants Begründung der Ästhetik und ihre Bedeutung für die Philosophie der Kunst. 1959.

³ О многом говорит уже одно то, какие работы были в свое время изданы Бимелем: *Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch.* Haag, 1950. Это было второе (после первого, прижизненного), издание одного из наиболее известных трудов Гуссерля. (Позднее, в 1973 г. “Идеи к чистой феноменологии” вышли третьим изданием, под редакцией К. Шумана); *Heidegger M. Logik. Die Frage nach der Wahrheit // Martin Heidegger Gesamtausgabe. Bd. 21.* Frankfurt a. M., 1976.

виться от двусмысленной характеристики “ученик такого-то”. Однако труды Бимеля не менее самостоятельны, нежели работы многих тех, кто таковым учеником не являлся.⁴

Потому, когда Александр Верников снисходительно называет переводимого им автора “человекоорудием” М. Хайдеггера⁵, то это, по *меньшей* мере, неверно. Конечно, переводчик облегчает для себя подобную формулировку, когда название книги, в общем-то достаточно простое, переводит как: “Мартин Хайдеггер, *сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (с приложением фотодокументов и иллюстраций)*”.⁶ Если даже предположить, что Хайдеггер пожелал бы “свидетельствовать о себе” и таких свидетельств набралось бы на целую книгу, то, согласитесь, что название книги приобретает в переводе несколько медиумическое звучание. — Впрочем, как мы увидим далее, это вполне соответствует общему духу стратегии переводчика.

Замысел книги и некоторые проблемы литературы о Хайдеггере

Прежде, чем перейти к “Пред-и-словию к пере-воду” и самому переводу, обратим внимание на одну важную проблему, которая стоит за названием немецкого издания. Почему Бимель назвал свое сочинение именно так? Почему в западной литературе ее часто цитируют как “Самоизложение Мартина Хайдеггера”? Бимель и не скрывал, что пытался написать книгу, в которой его собственные оценки и интерпретации были сведены к минимуму. Философски образованный читатель тут же вспомнит, что “избавиться” от привнесения собственной интерпретации в излагаемый материал или даже просто отделить ее от *повторения* на своем собственном языке мыслей собеседника *невозможно*. Да дело и не в этом. Речь о другом: по крайней мере в некоторых философских трудах не является излишним *попытаться* изложить проблему на языке самого автора — чтобы, *когда* этот язык будет более или менее освоен, можно было перейти к аккуратному выявлению мест, где, на взгляд *интерпретатора*, мысль *философа* либо требует корректировки, либо является поверхностной или поспешной или, может быть, вообще не выдерживает критики.

⁴ Его сочинения посвящены как проблемам развития философии Гуссерля, так и истолкованию феноменологии Хайдеггером, — но также и философии Гегеля, Сартра, Паточки. Хайдеггер оказался только одним из мыслителей, оказавших влияние на Бимеля. Другим был, например, Гуссерль (осмыслению собственного философского пути, приведшего его к критике Гуссерля посвящена следующая публикация Бимеля: Dank an Loewen. Erinnerungen an die Zeit von 1945-1952 // Phänomenologischen Forschungen. 1989. Bd. 22). Бимель пытается не только осмыслить феномен современного искусства в целом, но и предлагает ряд интерпретаций его частных направлений: им исследуются поп-арт как выражение жизненного мира, полиперспективность у Пикассо, движение нового реализма, творчество Норберта Крикке (N. Krikke), Герхарда Хозмса (G. Hoehmes) и Эрвина Херихса (E. Heerichs), музыка Циммермана (B. A. Zimmermann). (Судить об этом более полно можно по: *Biemel W. Gesammelte Schriften. Band 1: Schriften zur Philosophie; Band 2: Schriften zur Kunst. Frankfurt a.M., 1996*).

⁵ *Верников А. Пред-и-словие к пере-воду // Вальтер Бимель: Самоинтерпретация Мартина Хайдеггера / Пер. А. Верникова. Тверь, 1998. С. 7.* (В дальнейшем ссылки как на это в высшей степени примечательное предисловие от переводчика даются в тексте, так же как и на страницы самого перевода). Здесь и далее мы подходим к передаче пунктуации переводчика и всех курсивов *очень бережно*.

⁶ Так на титуле (курсив переводчика и издателей). *Другое* название, которое получил перевод, взято нами с обложки русского издания книги.

Издания, которые проникнуты *такой* идеологией наилучшим образом подходят в качестве введения в мысль того или иного мыслителя. Какие проблемы возникают в том случае, когда к тому или иному мыслителю с самого начала подходят, руководствуясь презумпцией “самостоятельности” собственного мышления? Очевидно, эта самостоятельность должна на чем-то основываться, и позволительно спросить: *на чем же?* По всей видимости — на традиции. (Разумеется, на традиции, самостоятельно, оригинально истолкованной, — добавляют тут же). Но тогда станут актуальными методологические размышления Бимеля из его книги о Хайдеггере: “Мы стоим в традиции западной метафизики”, — замечает автор, — и “настолько увязли в традиции, что с необходимостью ищем подступов к Хайдеггеру с ее позиций. И тогда нам оказывается очень трудно увидеть то, как он сам от этой традиции отодвигался... Он ни в коем случае не стряхивает ее с легкомысленной готовностью, он не вычеркивает ее, не выносит за скобки. Он, скорее, состоит с ней в страстном диалоге... Если мы вместо того, чтобы по-настоящему признать это разногласие и эту полемику, переведем Хайдеггера назад в язык метафизики, то понимание, по всей видимости, будет облегчено, — в действительности же станет невозможным...” (С. 235-236).

Однако Бимель прекрасно видит также и те сложности, которые связаны с имманентным изложением философа — которого придерживается в обсуждаемой книге он сам, и какого значительно более последовательно придерживаются его коллеги: может быть и так, что “сказанное Хайдеггером более не переводится на чужой язык и, следовательно, не отчуждается, но здесь возникает другая трудность: интерпретатор не видит, какая полемика, какая борьба была необходима. Чтобы достичь нового способа видения. И возникает ложное впечатление, будто Хайдеггер в один прекрасный день просто выпрыгнул из традиции, и теперь мощным волевым усилием хочет начать нечто новое..” (С. 236-237).

Итак, как стратегия, заключающаяся в “имманентном” прочтении философа, так и та, что с самого начала основывается на презумпции “самостоятельности” собственного мышления, не лишены проблем. Однако здесь нас будет интересовать главным образом первый тип изложения материала — поскольку он в наибольшей степени соответствует замыслу В. Бимеля.

Этой *первой* возможной стратегией может быть подчинена *одна* книга современного автора. Но может быть и так, что эта тенденция оказывается характерной для большинства (или, может быть *почти всех*) его работ. Таковы, например, труды Фр.-В. фон Херрманна. Понятно, что такие авторы всегда были излюбленной мишенью иронии и критики. — Хотя, насколько мне известно, пока еще *никому* не удавалось “подловить” фон Херрманна на неточности, некорректности его интерпретаций.⁷ Вот то, что может быть важно для меня как читателя его сочинений: они *соответствуют замыслу того, что желал сказать Хайдеггер*.

Такого рода исследования находятся под огнем критики потому, что *проблема действительно имеется*. На самом деле бесконечно велико число тех работ, авторы которых попали под столь сильное влияние хайдеггеровской мысли и языка, что, по выражению

⁷ Это может быть, кстати, сказано об *очень* немногих авторах. К ним, на мой взгляд, безусловно следует отнести также Г.-Г. Гадамера и О. Пёггелера.

В. В. Малахова, прекрасно знакомого с немецкой философской традицией XX в., “рискуют остаться там навсегда”. Однако здесь есть одна опасность: поспешно объявить “сектантством” довольно обширный пласт исследований. Приведем еще одну — на этот раз более обширную — цитату из статьи В. В. Малахова, в которой он так характеризует фон Херрманна:

“Тексты учителя для него сакральны. Их толкование — ритуал, требующий неукоснительного соблюдения особого набора правил. Толкование допускается только в терминах объясняемого текста. Фон Херрманн знает не только каждый пассаж хайдеггеровских работ — он знает каждую их букву. С такой любовью, с какой он издает сочинения Хайдеггера, печатается разве что синодальный перевод Библии. Благоговение перед шварцвальдским мудрецом свойственно многим германским профессорам философии, но самоотдача столь беззаветная — явление не совсем обычное даже для немецкой философской среды. Апофеоз самоотвержения фон Херрманна — его собственные сочинения. В них нет и намека на интерпретацию. Интерпретация предполагает передачу содержания оригинала *другими словами*. Фон Херрманн же в своем стремлении к аутентичности приходит к тому, что еще раз — *в тех же словах* — воспроизводит хайдеггеровский текст. Интерпретация предполагает дистанцию. Но фон Херрманн столь проникся текстом учителя, что о каком-либо дистанцировании не может быть и речи. Он перевоплотился в Хайдеггера с той же окончательностью, с какой борхесовский Пьер Менар — в Сервантеса. Еще немного, и он сумеет заново, слово в слово написать «Бытие и время»...”⁸

Прошу читателя извинить меня за столь обширную цитату. Однако проблема слишком серьезна. Она заключается в определении того, *каким следует быть* философскому произведению. На первый взгляд, ответ ясен: каждый новый труд должен добавлять в “сокровищницу знания” нечто новое. Но тем самым высказывается очень двусмысленное требование, которое тут же обесценивает все, что не претендует на “новизну”.

По поводу приведенной цитаты можно было бы сделать по крайней мере два замечания:

1. Не является ли уже “простое повторение” “того же самого” “в тех же словах” — *интерпретацией*? И если (как в случае фон Херрманна) такое изложение удастся, — то не является ли это *первым*, причем весьма важным успехом интерпретации?

2. *Быть может*, “самоотдача столь беззаветная” вызывает иронию вполне обоснованно. Вопрос в другом. Во-первых, следует спросить: желали ли бы мы видеть в лице держателя архива и *издателя* кого-нибудь “пооригинальнее” — ну, скажем, Ж. Деррида? Я бы не очень хотел. Во-вторых, если даже предположить, что Деррида мог бы стать издателем сочинений Хайдеггера, — не наложило ли бы эта его деятельность определенного отпечатка на его собственную философию?

Столь подробно мы говорили о фон Херрманне потому, что критики, аналогичной критике в его адрес, не избежать и той книге, которую задумал и написал Вальтер Бимель.

⁸ Малахов В. Фридрих-Вильгельм фон Херрманн — автор “Бытия и времени” [рец. на: Ф.-В. фон Херрманн Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля / Пер. с нем. И. Инишева. — Томск: “Водолей”, 1997. — 96 с.] // Пушкин. 1997. № 4. С. 36.

Надеюсь, предыдущие размышления помогли хотя бы в незначительной степени обосновать достаточно тривиальную мысль: *способность хотя бы “просто воспроизвести” идеи того или иного мыслителя есть предпосылка формулировки критической по отношению к ним позиции*. Причем достаточно часто эта предварительная задача оказывается не менее сложной, чем ее логическое завершение.

Итак, книга Вальтера Бимеля, которую решил перевести Александр Верников, принадлежит к весьма важному жанру литературы, и ее появление на отечественном книжном рынке можно было бы только приветствовать. Определив таким образом особенность переведенной книги, можно перейти и к самому переводу.

Переводчик

Для переводчика характерно глубокое проникновение не только в практику, но и в теорию перевода. Занявшись систематизацией, он сообщает нам, что “на проблему перевода вообще существует, в общем, две принципиально-всеобъемлющие точки зрения”. Одна — “умолчно метафизическая точка зрения” (“перевод с языка на язык вполне возможен в весьма адекватной степени”) и, далее, “умолчно феноменологическая точка зрения” (“перевод с языка на язык в принципе невозможен”). Переводчик затрагивает важную проблему. Однако вовлекаться в дискуссию о том, какие вообще воззрения на перевод ныне существуют (и тем более сослаться на У.О. Куайна) было бы в данном случае неуместно. Это не дотягивало бы до того накала мысли, который предлагает нам А. Верников. Следует обратить внимание на главное.

Мы можем, наконец, подойти к тому, что с самого начала было названо нами “революцией в переводах Хайдеггера”. Во-первых, именно *Хайдеггера*. Несмотря на то, что мы имеем дело не с работой *самого* мыслителя, тот жанр, который избрал для своей книги Вальтер Бимель, делает такую характеристику допустимой. Во-вторых, это именно *революция*. Первое, что об этом свидетельствует, — слова самого переводчика. Самое главное из того, что мы *теперь* знаем принципиально нового, это:

“...глубокое и широкое знание переводчиком всеобще-философской проблематики от «Платона до наших дней» не играет в случае *Хайдеггера* какой-либо существенной роли и может скорее помешать, чем помочь” (С. 10, курсив мой. — И. М.).⁹

Эту революционность следует отметить особо. По скромным сведениям рецензента, подобный тезис до сих пор никем выдвинут не был. Лавры первенства, вне всякого сомнения, принадлежат Александру Верникову.

Итак, мы видим, что знание философской традиции — не то, что может объединять нас с переводчиком. Это — не та “общность”, в которой нам следует — если мы пожелаем — искать “общий” с ним “язык”. Но тогда что же? На что, если не на философскую традицию, опирался переводчик в своем понимании и пере-ложении Хайдеггера? Каков

⁹ Вероятно, именно свободному отношению переводчика к традиции мы обязаны появлению всяких новых имен: *Данс Скотус* (С. 271), *Суареш* (С. 39), а также загадочному *Тикулидесу* (С. 54). Последний, скорее всего, жил во времена древней Греции, поскольку упоминается наряду с Гомером и Пиндаром.

тип того опыта, на основе которого осуществлялось прочтение им великого мыслителя? Ответ мы находим быстро, однако он ставит в тупик. Почти на каждой странице переводчик ссылается на опыт дзен (С. 8, 10, 11). “Мировоззрение”, к которому “подошел” Хайдеггер сравнивается также с опытом “курильщика гашиша” (С. 8). К сожалению, мы не можем проверить последнюю характеристику переводчика.

Когда же мы задаемся вопросом о мировоззрении не Хайдеггера, но автора перевода, то помочь нам может следующая само-характеристика, в которой переводчик оценивает собственный труд: “речь идет о работе, выполняемой на заказ к твердо установленному сроку” (С. 15). Язык А. Верникова богат и, на мой взгляд, дает почву для появления многих неологизмов, которые, вполне возможно, вскоре станут крылатыми. “Заказной перевод”. “Заказной переводчик”. Можно ли говорить, что современный “рынок труда” пополнился еще одной “заказной” профессией?

Следует обратить внимание еще на одно чрезвычайно удачное и емкое выражение. Сформулировав свое переводческое *credo* (см. выше), А. Верников далее говорит о сделанных в этом духе переводах следующим образом: “Эта «незагруженность» (философской традицией. — И. М.) скорее даже необходимая предпосылка «у-дачи»...” (С. 10). Представляется, что переводчик сформулировал еще один очень современный и актуальный термин, которым мы бы предложили пользоваться в таких случаях и впредь: “незагруженный перевод”, “незагруженный переводчик”. Привлекательность найденного выражения заключается также и в том, что оно позволяет образовывать различные производные формы, выражающие различные степени, градации качества перевода — “недогруженный”, например, перевод или, соответственно, переводчик.

Александр Верников, очевидно, осознает значимость той революции, которую он осуществляет в переводах Хайдеггера. Возможно, именно этим объясняется стилистика его вступительной статьи. С позиции достигнутого им понимания природы философии и философского перевода жалкими и немощными кажутся усилия тех, кто мерялся силами с Хайдеггером до него. В первую очередь подразумеваются А.В. Михайлов и В.В. Бибихин, о которых Верников иначе и не вспоминает, нежели как о “тех же Бибихине и Михайлове” (С. 12, 13). Собственная смелость обесценивает необъяснимую осторожность всех других переводчиков. Для иллюстрации приведем цитату из Бибихина, которую Верников испещряет пометками настолько красноречивыми, что комментировать их представляется излишним¹⁰:

Решился (sic! — А.В.) применить это слово в пока еще совершенно непривычном смысле... В существующем смысле слово “постав” (нем. Gestell. — А.В.) означает станок, например, ткацкий. Поставом называются также мельничьи жернова. И таким же тяжелым и жестким, как они, кажется напросившееся (?! — А.В.) нам (?!?! — А.В.) теперь новое употребление слова “постав”... Мы, поздно рожденные (?! — А.В.), уже не в состоянии взвесить, что это значит, когда Платон решается употребить для обозначения существа всего существующего слово “эйдос”... Рядом с тем, что в этом и некоторых других случаях Платон навязывает (?! — А.В.) языку и мышлению, применить

¹⁰ Речь пойдет об обосновании перевода немецкого “Gestell” как “постав” (ср.: Время и бытие. Статьи и выступления / Сост., пер. и комм. В. В. Бибихина. М., 1993. С. 229).

слово “постав”, как мы сейчас решились, в качестве имени для существа современной техники можно почти безбидно (аплодисменты! — А.В.) (С. 9).

Беспрецедентные комментарии! Мы имеем дело с революцией не только в переводах. Это — новое слово в интерпретации Хайдеггера. Появился *новый человек. Заказной переводчик.*

Мы уже слышали, как *характеризует* А. Верников свою работу, и тем любопытнее посмотреть, в чем он усматривает ее основные *задачи*. “Здесь перевод (переводчик имеет в виду свой. — И.М.) стремится концептуально демонстрировать, с одной стороны, свою бес-помощность и дистанцированность—у-даленность от живого источника, от оригинала...” (С. 13). Это, безусловно, удастся, хотя какие-то особые концептуальные средства в данном случае излишни. Мы, правда, не можем ответить на вопрос, каким образом это удастся совместить со *второй* ее частью: “... быть максимально точным, едва не до под-строчности, до-словности и буквализма” (Там же).

Мышление А. Верникова многомерно. У “сверхзадачи” его работы также два аспекта:

1. “...отпугнуть от чтения всех неспособных пуститься во все тяжкие подобного чтения” (С. 15);

2. “...провести убеждение, что лучшим, наиболее совершенным *п е р е -в о д о м* является не перевод книги с языка оригинала на язык читателя, но *перевод самого читателя в язык оригинала, т.е. изучение другого языка и «овладение» им*” (Там же).

Особенно удалось первое. Но и вторая часть того, что А. Верников называет “сверхзадачей”, — заставить людей читать на языке оригинала — оказывается ему под силам. Он действительно “проводит убеждение”, что лучше читать по-немецки.

Итак, абсолютно все поставленные перед собой задачи переводчик блистательно выполнил, и нам остается только посмотреть, что произошло с Хайдеггером и Вальтером Бимелем, изданными на русском языке.

Перевод

Хайдеггер превращается в *удачливого философа, философа удачи*: “*Befindlichkeit*” нам предлагают понимать как “находчивую расположенность” (С. 14, 93), а “*Erfolg*” — как “успешное следствие” (С. 14). Теперь “*Существо истины... — следствие успеха, /пред/расположенности к находчивости*” (Там же). Ожидание успеха сопровождается ярко выраженными положительными эмоциями: “*В /предвкушающем/ забегании вперед...*” (С. 109). ...Правда, если кто-нибудь пожелает щегольнуть своими знаниями, почерпнутыми из этого издания (например, что “Хайдеггеровский анализ находчивости повлиял и на психиатрию...” [С. 93]), результат может оказаться неожиданным.

Иногда нам предлагают “*Gegen*” “как «крепкое место»” (С. 246), а также “*забегание вперед до смерти*” (С. 121)¹¹. Ряд известных сложностей терминологии Хайдеггера разрешаются до гениальности просто. “*Das Man*”¹² — так по-русски и будет: “дас ман” (С. 90).

¹¹ Разумеется, не надо забывать, что такое “забегание” у Верникова всегда позитивно окрашено, являясь “забеганием вперед-предвкушением” (ср. С. 107).

Отрадно, что перевод пропитан заботой о читателе: как бы не был упущен хотя бы один возможный оттенок хайдеггеровской мысли. Чтобы этого не произошло, А. Верников использует (как читатель, очевидно, уже заметил по приводимым нами цитатам) оригинальную пунктуацию: слово, во-первых, разбивается на части дефисами, и тогда, например, “andenken” превращается в эlegantное “продумать-у-по-мнить” (С. 263), а когда Хайдеггер говорит о “sinnendes Denken”¹³ мы получаем: “о-смысленное думанье-по-мнение” (С. 258). Впрочем, в своей революционности А. Верников остается не вполне последовательным. Так, например, “логос” он почему-то не транскрибирует как “слово-разум-речь-закон”.

Зато обильно привлекает дополнительные пунктуационные средства — знаки косой черты, которые иногда комбинирует с дефисами (“ест/ь/-ество истины” [С. 149]), а иногда самостоятельно, (“/взаимо/связ/ан/ности” [С. 57]).

Если выше мы определили жанр переведенной книги Бимеля как “введение” в мысль философа, то теперь нам предоставляется возможность судить, в какой степени перевод оказался адекватным особенностям переводимого текста. Предназначен ли перевод для человека, впервые знакомящегося с Хайдеггером? Вряд ли. — На и без того достаточно сложную терминологию Хайдеггера А. Верников — не без самолюбования — накладывает собственные сомнительные опыты обхождения “так и сяк” с “родным языком”¹⁴. Потому неискушенному читателю придется трудно. Но, может быть, перевод предназначен для специалистов? — Но и это вызывает сомнение, поскольку, как мы видели, революция, совершаемая Верниковым в переводах Хайдеггера, отвергает все предыдущие усилия в этой области как “непрофессиональные”, то *теперь его перевод претендует занять исключительное место в обширном море подобной литературы*. Причем Верников, по всей видимости, *предполагает, что его перевод станет единственным источником знакомства читателя с Хайдеггером*.

Итак, все это вряд ли является достоинством рецензируемого издания. Но что же тогда? Бесспорными являются: хорошая бумага, на которой напечатан перевод, и множество фотографий, получившихся особенно удачно.

Правда, читателю следует о-смысленно думать-по-мнить, кто он такой, когда читает эту книгу, и как с ней следует обращаться:

“...место, и самое место, книгам Хайдеггера — для «дас мана», для так называемого «массового читателя», в расчете на которого и была написана нижеследующая монография, — в так и называемом «отхожем месте»...” (С. 11).

С этим, как и со всеми прочими идеями Верникова остается только согласиться. Разве что, с двумя уточнениями: это относится только к *переводу* — здесь бы мы несколько *сузили* сферу применимости “правила Верникова”. Зато, мы бы *расширили* ее, пореко-

¹² Хайдеггер субстантивирует безличное местоимение “man” для того, чтобы подчеркнуть постоянную опасность, перед которой оказывается человек: возможность несобственности своего бытия.

¹³ В переводе В. В. Библихина: “осмысливающая мысль” (ср. *Хайдеггер М. Путь к языку // Время и бытие. Статьи и выступления / Сост., пер. и комм. В. В. Библихина. М., 1993. С. 273*).

¹⁴ Это обращение с языком совершается вполне сознательно — см. цитату из переводчика, вынесенную в эпиграф рецензии.

мендовав помнить о месте, достойном перевода этой книги, не только “дас манам”, но и вообще всем, кто возьмет его в руки.

* * *

Итак, заслуживал ли факт появления перевода книги Вальтера Бимеля столь обстоятельного отзыва? Безусловно.

Это революция. Революция в *самом переводе*, его *идеологии*, а также том *пафосе*, с которым они утверждаются. Революция еще и потому, что если подобные переводы и “пре-ди-словия” стали возможными — значит, в *нашей философской жизни произошло нечто очень важное*.